

Кроме того, оказавшись в новом для неё мире, Берта, довольно скоро разочаровывается в нём: «свет не казался мне так чудесен, как я некогда воображала» [7:242].

Таким образом, мы подходим к центральной идее новеллы, которая заключается в невозможности обрести счастье ни в служении христианской религии, застывшее время и замкнутое пространство которой не дают человеку возможности реализоваться; ни в земной жизни, существование в которой далеко от идиллии вечности.

Темой же новеллы, по нашему мнению, является поиск человеком путей к счастью через добродетель и через грех. Пути к счастью для героев новеллы «Белокурый Экберт» закрыты: и сковывающая добродетель, и грех сталкивают человека с истинного пути.

Литература

1. Габитова Р.М. Философия немецкого романтизма: Гёльдерлин, Шлейермахер. М., 1989.
2. Дмитриев А.С. Теория западноевропейского романтизма // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980.
3. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996. (Памятники и история европейского романтизма)
4. Фёдоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига, 1988..
5. Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи / Пер. с нем. С.Л.Франк. – СПб., 1994.
6. Энциклопедия символов / сост. В.М.Рошаль. – М., СПб., 2005.
7. Песнь о любви и смерти / Пер. с нем.; Предисл. Э.Ивановой; Сост. Н. Будур. – М., 1998..
8. Hugo von Hofmannsthal. Deutsche Erzähler. Frankfurt am Mein: Insel Verlag, 1988.
9. Обухов Л.Я. Символика цвета – Теория и Практика [Электронный ресурс]: «Журнал практического психолога». – Электрон. журнал. –//Режим доступа: <http://www.videoton.ru/index.htm>
10. Средневековая символика [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fantasyclub.ru/forum/index.php?showtopic=1731>
11. Peter Greif's simbolarium. – Словарь символов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.simbolarium.ru/greif/index.html>
12. Peter Greif's simbolorum. – Словарь символов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://apress.ru/pages/greif/sim/simbolorum.htm>

Л. Мальгина
Научный руководитель:
к. филол. н., доцент
С.Ю. Данилов

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ НА МАТЕРИАЛЕ РОЛЕВОЙ ИГРЫ «ДЕБАТЫ»

В современной лингвистике происходит «дискурсивный переворот», «обращение к человеку говорящему – языковой личности – перемещается акцент изучения с языковой системы на продукты коммуникативной деятельности – речевым произведениям дискурса» [10:298]. РЖ начинают рассматриваться не как абстрактная модель, не соотносимая с реальным речевым, ситуативным воплощением, а как единица дискурса, т.е. речи, погруженной в жизнь. «Речевые жанры предстают как первоначально важное

средство организации социального взаимодействия, без которого активное речевое общение было бы невозможно» [5:12].

Свобода речевого поведения говорящего в рамках жанрового сценария состоит не только в выборе (бессознательном) внутрижанровых стратегий. Внутри жанра различаются сюжетные ходы, в рамках жанра общения названные «внутрижанровыми тактиками» [4:60].

Цель данного исследования – изучить крупное речевое событие, ролевую игру «дебаты». Важно, что изучаемая ролевая игра содержит актуализированные полемические компоненты. Описание этих компонентов как ядерных для крупного речевого события дается в речежанровом аспекте. Крупное речевое событие – это «социально закрепленная форма коммуникативного взаимодействия, которая определяется единством его условий, функций и инвариантными признаками речевого поведения его участников, заданными социальными нормами и правилами» [2:31]. Исследование ведется на материале собранного и обработанного нами материала (диктофонная запись ролевой игры «Дебаты» продолжительностью около полутора часов и соответствующие расшифровки).

Сегодня полемические жанры понимаются неоднозначно. Но дебаты, как публичная форма обсуждения общественно важных проблем (не забудем, что при обсуждении могут возникать разногласия!) принимается всеми. Дебаты, пишет С.Ю.Данилов в статье «Проработка и дебаты: коммуникативные практики идеологического взаимодействия», воспринимаются как речевая форма, позволяющая цивилизованно обсуждать проблемы, но вместе с тем, они «как реальность современного русскоязычного коммуникативного пространства, как многообразно воплощающаяся жанровая форма, изучены недостаточно» [3:348].

Сегодня дебаты приобретают большое значение как игровая форма обучения публичной дискуссионной деятельности. Учебная игра позволяет овладеть техниками ведения спора по правилам, и вместе с тем – навыками толерантного речевого взаимодействия в демократическом обществе. В частности, дебаты были организованы на дне филолога (31 марта 2006 года) в УрГУ им. А.М. Горького и носили игровую форму (причем имели некоторые отличия от классических игровых дебатов). Получилась «игра в игру», что определило специфику полемики в рамках данного речевого события. Отличие игры от традиционных дебатов в том, что участники не объединялись в команды, которые должны защищать выбранную позицию. Здесь каждому присваивалась роль, в рамках которой он должен выступить с речью в пользу той позиции, которая присуща данному ролевому статусу. Также отличие в том, что одному из участников присваивалась роль «адвоката дьявола». Этот персонаж должен критически выслушивать точку зрения каждого и задавать вопросы, обнаруживающие слабые места в позиции выступающего. Сходство же с классическими дебатами в том, что ораторское мастерство игроков оценивает жюри (каждый член жюри оценивает отдельное качество оратора). Также проводится голосование среди зрителей, выбирающих «лучшего оратора». В конце игры подводятся итоги голосования, комиссия высказывает свое мнение и присуждаются места.

Принимая во внимание характер материала (ролевая игра «дебаты»), а также определение жанра как вербального оформления типичной ситуации взаимодействия людей, мы, вслед за К.Ф. Седовым, определяем «дебаты» как гипержанр, который включает множество иных жанров и актуален в рамках данного общества культурно-речевого взаимодействия людей.

В речежанровом аспекте может быть проанализирован целый текст, в котором отражено крупное коммуникативное событие, т.е. расшифровка ролевой игры «дебаты»,

которая включает в себя собственно выступления игроков (заранее подготовленная речь на заданную тему, зачитанная перед аудиторией), вопросы, которые аудитория задавала игрокам, реплики ведущего, а также итоговое слово членов жюри, которые делились «общими впечатлениями». Анализ данного текста затруднителен в силу громоздкости. Текст показывает, что игра «дебаты» имеет две ядерных зоны, которые и формируют ее родовую специфику: публичная речь, в которой высказывается мнение по спорному вопросу, и вопросно-ответная часть, где выступающий отвечает на вопросы. Эти вопросы могут быть как в пользу точки зрения выступающего (вопрос-уточнение, вопрос-поддержка, критикующий, но согласный вопрос и т.д.), так и против. Участник дебатов при ответе также может не поддерживать точку зрения спрашивающего или соглашаться с ним. Отсюда видим, что именно в вопросно-ответной части игры наиболее ярко проявляется оппозиция сторон. Поэтому считаем целесообразным выбрать в качестве единицы анализа вопросно-ответные единства (далее – ВОЕ). ВОЕ состоят из вопроса (реплики-стимула) и ответа (реплики-реакции). Это такой «фрагмент диалога, который состоит из двух и более информационно связанных реплик, в одной из которых содержится вопрос, а в следующей – реакция на этот вопрос в соответствии с его содержанием» [6:39]. Вопрос может быть выражен вопросительным предложением. «Вопросительные предложения информируют о том, что хочет узнать говорящий» [8:386].

Исходя из речежанрового подхода под «вопросом», который участник коммуникации задает другому, понимаем запрос информации, т.е. особую речевую деятельность, направленную на получение необходимой информации, необходимых сведений. Единицей речевой деятельности является речевое событие – «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [2:13]. Все прагматические и речевые действия, предпринимаемые говорящим в процессе общения, находят свое оформление в коммуникативном поведении. «На организацию коммуникативного поведения в ситуации запроса информации влияют условия ситуации общения, тип языковой личности говорящего и замысел его речевой партии» [11:67]. Таким образом, запрос информации в речи реализуется в коммуникативной ситуации запроса информации, которая, согласуясь с ситуацией получения интересующих сведений, оформляется в ВОЕ.

ВОЕ имеет две позиции: спрашивающего и отвечающего. Дебаты (источник собранного материала) содержат в себе игровое начало. Ядром дебатов мы считаем ВОЕ. Поэтому правомерно присвоить спрашивающему и отвечающему роли соответственно. «Атакующий» (от «атака - быстрое и решительное наступление» [9:37] задает вопрос, чем иллокутивно провоцирует собеседника на реакцию, и «Страж» («человек, который охраняет к.-ч.-либо, защитник» [9:770], которого иллокутивно вынуждают на реакцию (ответ). «Атакующий» должен чувствовать силу своей позиции инициатора коммуникативного акта. «Страж» как самостоятельная величина в процессе коммуникации свою позицию стремится сохранить и/или защитить. Если он претендует на перехват коммуникативной инициативы, то внутри диалога происходит столкновение. В нем каждый из коммуникантов посредством различных коммуникативных приемов, стратегий (под стратегией мы понимаем «мыслительный план общения, направленный на достижение коммуникативной цели» [6:284] и тактик («конкретный этап осуществления реч.стратегии» [6:285] реализует цель сохранить и/или завоевать преимущество. Наиболее полно такое противоборство проявляется в ВОЕ.

При анализе ВОЕ применяется комплексный метод. В основу положена речежанровая модель Т.В.Шмелевой (цель, образ говорящего, образ адресата, коммуникативное прошлое и будущее, диктуемое содержание, языковое наполнение) и соотношение базовых речежанровых категорий информативности, оценочности и

императивности. Текстовый фрагмент, содержащий ВОЕ анализировался поэтапно. Сперва прописывалось формальное выражение ВОЕ, затем каждая реплика в отдельности. В реплике-стимуле рассматривался запрос информации и степень соотношения в нем категорий информативности, оценочности и императивности. В реплике-реакции - характер выдаваемой информации, ее информативное соответствие запросу. На основе полученных данных, в ВОЕ рассматриваются коммуникативные стратегии и тактики участников коммуникации, коммуникативная координация собеседников. Полученные результаты соотнесли с параметрами коммуникативной координации, выделенными И.Н.Борисовой для полемического типа коммуникативных координаций [1:199]. Также мы соотносим коммуникативную координацию собеседников с реальными поступками, словами, действиями. Исходя из степени соотносимости результатов с типологией мы приписываем анализируемому ВОЕ статус прекословного или непрекословного.

Самым ярким по проявлению прекословности и потому выделенным как ядерное, является следующее ВОЕ. Однако, важно заранее прояснить роль коммуниканта Е, его логическую и коммуникативную концепцию.

Это роль «преподавателя-консерватора», которая в ВОЕ соответствует роли «стража». Логическая концепция «преподавателя-консерватора» заключается в том, что все студенты обязаны посещать занятия. Тех, кто посещает, т.е. присутствует на лекциях, «консерватор» относит к хорошим и правильным студентам. Те же, кто прогуливает лекционные пары, автоматически причисляются к «плохим». Однако, все знания, которые студент получил, оцениваются только в сессии, независимо от посещаемости. Такова установка «консерватора»: «студент обязан присутствовать на лекциях, а сессия покажет, насколько продуктивным было его присутствие». В коммуникативной концепции эта установка отражается. «Страж» смотрит на запрашиваемую информацию «со своей колокольни». Причем ролевая специфика («консерватор», т.е. враждебный нововведениям, отстаивающий неизменность чего-либо [9:291]) диктует определенную логику высказываний, и начальственный, «преподавательский» тон в общении с оппонентом, «атакующим», в реальности являвшимся студенткой 3 курса филфака. «Страж» играет «преподавателя-консерватора», который уверен в правильности своей концепции и не приемлет других взглядов по данному вопросу. Поэтому его статус позволяет авторитетно отстаивать собственную позицию, пребывать и упрекать коммуникативного партнера – «атакующего».

Голос 9 из зала [00:50:50]: - И опять же по поводу свободного посещения/ не проще ли разрешить студентам некоторым свободно посещать занятия если им действительно удобнее и интереснее заниматься отдельно... чем если они будут сидеть на лекциях... мешать и преподавателю рассказывать и слушать студентам тем которым все это интересно/

Е: - Ну вы ... продублировали предыдущий вопрос/ если вы все знаете на пять но ни разу не были на лекции поставлю ли я вам пятерку// Я уже сказал что...

Голос 9: - Но даже если на пять он все не выучит/ но все-таки не проще ли разрешить ему не ходить чтобы он не мешал тем...

Е: - Понимаете есть единая система оценки знаний// ...сессия/ если вы сдааете// вы учитесь// Если вы с пятого раза...

Голос 9: - Я с точки зрения тех ... которым не скучно слушать ..но они не могут этого делать из-за/ шума который создают те люди которым это не надо// но которые ... ходят чтобы получить/ допуск к экзамену...

Е: - Подождите// э... (молчание)

Д [00:51:52]: - Зачем тогда/ можно реплику по образованию?... эти студенты ... вообще поступили в вуз и учатся? ... поступать для того чтобы получить образование... ну если такое разрешить/ то всем свободное посещение...

В.С.Рабинович: - Ну я хочу...

Д: - ...то есть именно проблема в том// В установке самого студента/ зачем он пришел в вуз изначально//

ВОЕ содержит косвенный вопрос с просьбой констатировать факт явления и ответа, который не соответствует запрашиваемой информации. «Страж» (Е) испытывает затруднения в ответе на пояснение вопроса «Атакующим». Формально ответ на вопрос дает третье лицо (Д). Причет этот ответ, скорее, становится сигналом завершения коммуникативного фрагмента, который зашел в тупик при «ясной» для аудитории коммуникативно-информативной концепции обоих коммуникантов.

Здесь представлена ситуация запроса информации, предполагающая констатацию и/или объяснение явления. В препозиции к собственно запросу реализуется коммуникативное прошлое, т.к. участник коммуникативной ситуации обращается к уже ранее затронутой теме.

Голос9 из зала [00:50:50]: - И опять же по поводу свободного посещения/ не прощали разрешить студентам некоторым свободно посещать занятия ...

Реплика-ответ интерпретирует высказывание «атакующего», формально ссылаясь на общее коммуникативное прошлое. Вместе с тем надо отметить, что «страж» перебивает атакующего, переводит ЗИ на выгодную для себя «стезю», которая позволяет ему не только ответить, но и упрекнуть собеседника в коммуникативной оплошности.

Е: - Ну вы просто продублировали предыдущий вопрос/ если вы все знаете на пять то ни разу не были на лекции поставлю ли я вам пятерку// Я уже сказал что...

Коммуникативный партнер – «атакующий» – перебивает «стража», опровергая часть высказывания, и повторно запрашивает информацию, уточняя запрос. Тем самым он «отбивает» не прямое нападение, отвергает наведенную негативную оценку информативно-логической концепции «атакующего». Разворачивается борьба за инициативу в определении общей для ВОЕ темы.

Голос9: - Но даже если на пять он все не выучит/ но все-таки не прощали разрешить ему не ходить чтобы он не мешал тем...

В ответ на повторный ЗИ, «страж» выстраивает логическую цепочку, опираясь на стереотипы, использует топ «равенства условий» и «переходит на лица» (отвечает не «в принципе», а с установкой на то, что «атакующий» просто не способен справиться с предметом).

Е: - Понимаете есть единая система оценки знаний// ...Если вы с пятого раза...

«Атакующий» перебивает партнера и поясняет свой вопрос. Он уточняет угол зрения, с которого рассматривается спорное явление. И в очередной раз «отбивает» выпад «стража» (*Я с точки зрения тех студентов которым не скучно слушать лекцию...*).

Такой взгляд на проблему заводит «стража» в коммуникативный и логический тупик, вызывает коммуникативное затруднение (он замолкает на некоторое время). Взгляд на проблему свободного посещения, рассмотренный ранее, был определен информативной установкой 'ты не ходишь на лекции, но приходишь в сессию и получаешь оценку'. Здесь же вопрос освещается с точки зрения тех, кто испытывает неудобства от присутствия и поступков студентов, посещающих занятия не по своей воле. Такой ракурс не рассматривался «стражем» (игрок «преподаватель-консерватор») в силу игрового статуса. Он подразумевает деление студентов на хороших (тех, которые посещают занятия) и плохих, которые не посещают. Студент как величина самостоятельная, могущая страдать от тоже «хороших» студентов, не воспринимается преподавателем. В силу этого смысл запрашиваемой информации не был понят партнером, поэтому он не может быстро дать ответ. Ему помогает другой участник дебатов – игрок «молодой преподаватель», который просто переводит суть вопроса на иной уровень, давая информацию «атакующему».

Д [00:51:52]: - Зачем тогда... эти студенты которым не интересно на занятии/ ... вообще поступили в вуз и учатся... ну если такое разрешить/ то всем свободное посещение...

В высказывании информативное противоречие не разрешается. Сворачивается коммуникативная установка «атакующего», при сохранении предметной темы (студент, не посещающий занятия) вводится новый тезис, «он пришел, чтобы посещать, пусть посещает» (Д: - ...то есть именно проблема в том// В установке самого студента/ зачем он пришел в вуз изначально), диктумные компоненты введенные ранее игнорируются такой позицией. Подчеркнем, что БОЕ достигло своей цели, информация, необходимая аудитории была введена, позиции сторон были прояснены. При этом «побудительный» компонент высказываний «атакующего» был разрушен и его высказывания не вполне достигли своей цели (консерватор должен был отступить от своих взглядов, исходя из того, что обязанность преподавателя заботиться об успехе «хороших» студентов, то есть тех, кто хочет посещать занятия).

Анализ приведенного фрагмента показывает, что эффективность БОЕ в полемической речи связана не столько с получением «необходимой» информации, сколько с установкой на разрушение коммуникативно-информативной концепции, которой следует оппонент. «Страж» в ситуации запроса информации терпит коммуникативное поражение, хоть и «сохраняет лицо». Здесь не гармоничный коммуникативный результат. Общие цели и стремление к психологическому единству у «стража» и «атакующего» отсутствуют. Выше показано, что «страж» стремится «докопаться до правды» со стороны студенческого братства (причем его действительно интересует вопрос посещаемости!), а «преподаватель-консерватор» твердо стоит за свою концепцию, причем сдвиг его системы взглядов «атакующим» приводит к психологическому дискомфорту. Тональность общения напряженная, сдвинута в сторону диссонанса, т.е. полного разрыва. Разрыва не происходит благодаря вмешательству третьего лица, которое, по сути, помогает «стражу» «сохранить лицо» в данной ситуации и выдает часть запрашиваемой информации. В силу ролевого противостояния «стража» и «атакующего» отсутствует и солидарность модально-оценочных смыслов относительно предмета запроса. Иными словами, каждый смотрит на вопрос свободной посещаемости со своей ролевой позиции, в соответствии с собственной логической концепцией.

Таким образом, процесс получения «необходимых» «атакующему» сведений носит в данном БОЕ разрушающий характер для коммуникативно-логической системы взглядов «стража» и приводит к прекословности.

Полемичность же (прекословность) проявляется в том случае, когда партнеры имеют различную коммуникативную активность, различные цели, которые реализуют путем проведения определенных стратегий и тактик (оказываются частоты «скрытые угрозы», которые пророчат негативные последствия субъектам коммуникации). Также она во многом зависит как от языковой личности оппонентов, так и психологического склада человека. Прекословность реализуется, при отклонении коммуникативного поведения человека от норм коммуникации, и несоотношения в какой-то степени с поведением реальным, т.е. тем, как человек поступает «здесь и сейчас». Позиции «атакующего» и «стража» в полной мере проявляются, когда запрос информации содержит действительно необходимую для одного из них информацию, и он стремится получить ее, нападая, т.е. задает уточняющие, поясняющие, дополняющие и пр. вопросы. Однако дебаты носят игровой характер. И если в БОЕ не рассматривается тема, которая «продвигает» ход дебатов, способствующая дальнейшему рассмотрению проблемы, которая открывает новые грани заявленной проблемной темы, то вся полемичность в подобных БОЕ тоже игровая, не имеющая цель решать спорный вопрос. Это разрушает целеустановку БОЕ как таковых.

Следующее БОЕ представляет другую ситуацию и других участников игры.

Голос из зала [00:13:12]: - У меня вот какой вопрос// Вы сознательно подчеркнули что хотели бы обучаться на бюджетном отделении ... так значит вам известно чем принципиально отличается обучение на бюджетном ... от обучения на внебюджетном ...?

Б: - Я думаю что/ эээ/ программа в принципе не должна отличаться на.. бюджетном и на платном обучении/ потому что// план должен быть во-первых един... то есть я пока не вижу различий в образовании//

ВОЕ состоит из прямого вопроса-уточнения полученной ранее информации и ответа-пояснения с подведением итога выдаваемой информации.

Здесь участвуют игрок в роли «абитуриентки» (Б) и «голос из зала». Собственно запрос информации имеет в препозиции высказывание, в котором актуализируется коммуникативное прошлое. Ранее в своем выступлении «абитуриентка» сказала, что хотела бы обучаться на бюджетном отделении. Запрос информации касается именно этой темы. Формально выраженный изъяснительным придаточным, он содержит по сути запрос двух информаций. Первая касается категории субъективной модальности, т.к. выражает неуверенность «атакующего» в достоверности информации, которой обладает «абитуриентка».

Голос из зала [00:13:12]: - ... так значит вам известно...

Коммуникант хочет определить для себя, действительно ли игрок настолько вжился в роль, что точно уверен в достоверности обладаемой информации. Здесь проявляется оценочность, т.к. коммуникант положительно оценивает партнера по коммуникации. Он приписывает ему такие качества характера, как осведомленность, сознательность, серьезность. Вместе с тем, вопрос провокативный, наводящий на мысль, что установка на бюджетное образование не принципиальная, а сугубо «денежная», а значит, не рассматриваемая в рамках игры.

Это выражается прямо в тексте :

Голос из зала [00:13:12]: - ... Вы сознательно подчеркнули / ... так значит вам известно ...

Вторая информация касается объективной реальности. То есть запрашивает информацию категориального плана

Голос из зала [00:13:12]: - ... чем принципиально отличается обучение на бюджетном отделении от обучения на внебюджетном отделении?

Но в действительности, «атакующему» не нужны запрашиваемые сведения, т.к. ему известен ответ на данный вопрос (бюджетное отделение предполагает бесплатное обучение, а на не бюджетном студент вынужден платить определенную сумму в обмен на знания, в этом вся разница). Тогда теряется смысл ВОЕ, потому что информация, вводимая в аудиторию, не является ни новой, ни необходимой. Реплика-реакция «стража» обращается в сферу его интеллектуально-мыслительной деятельности.

Б: - Я думаю что/ эээ/ программа в принципе не должна отличаться на очном и заочном/ то есть на бюджетном и на платном обучении...

«Абитуриентка» начинает ответ на запрос первой информации с глагола, обозначающего мыслительную деятельность «думать», который имплицативно несет в себе «я не уверена, достоверна ли информация, которой я обладаю, но мой интеллектуальный уровень позволяет мне считать свою точку зрения верной». Предметная тема запроса информации поддерживается в ответе: на второй запрос «абитуриентка» дает прямой и развернутый ответ, подводя в постпозиции реплики итог всему вышесказанному (... то есть я пока не вижу различий в образовании//). Соотношение информативности, побудительности и оценочности сдвинуто в сторону первого и последнего. Запрос информации тяготеет к жанру провокационного утверждения, т.к. предполагает подтверждение информации, уже заложенной в самом запросе, но нуждающийся в уточнении. «Атакующий» ждет, что «абитуриентка» прямо заявит, что разница только в факте оплаты обучения, но она дипломатично уходит от

ответа, говоря, что не видит разницы между формами обучения. «Атакующий» и «стражник» реализуют свои позиции в том, что первый не нападает, как ему положено, а только показывает, какое у него оружие («в чем разница между платным и бесплатным обучением»), провоцируя оппонента на откровенную реакцию. «Стражник», сохраняя неизменность своей позиции, спокойно подтверждает: «да, я вижу, какое у тебя оружие и я согласен с тем, что твое оружие заслуживает уважения» («разницы между платным и бесплатным обучением я не вижу, следовательно, ее и нет»). Прекословности, равно как и полемичности в данном ВОЕ не наблюдается, т.к. позиции игроков достаточно пассивны («атакующий» остается неудовлетворен ответом «стража», но не делает попыток новых диверсий по отношению к нему), и тема запроса не актуальна для развития коммуникативной ситуации.

Суть данного ВОЕ разрушается, потому что не выполняется его определяющая целеустановка – ввести новую и необходимую для решения проблемы информацию. Здесь же ни вопрос, ни ответ не дают хода дебатам, т.к. не освещают заявленную проблему («война и мир отцов и детей») с другой, новой, стороны.

Наша работа показала обоснованность выбранной методики анализа ядерных компонентов (ВОЕ) крупного речевого события «Дебаты». Благодаря речежанровому подходу, проследили в них реализацию прекословности и непрекословности как явления коммуникативного взаимодействия участников коммуникации. Проанализированный материал позволил выделить особенности проявления полемичности в ходе дебатов. В одних случаях игровая направленность речевого события проясняет полемику. В других - видимое столкновение не приносит ощутимого результата, потому что дебаты проводятся для обсуждения настоящих проблем (в данных дебатах тема тоже затрагивалась серьезная – проблема взаимоотношения преподавателей и студентов). Здесь же мы видели совершенно не информативные для ситуации дебатов ВОЕ, в которых вопрос не продвигал ситуацию в сторону решения проблемы. Он лишь разыгрывал аудиторию, будучи направленным на игрока, на его роль, а не на проблему.

И в прекословных ВОЕ, и в непрекословных ВОЕ есть элемент игры, лишаящий дебаты их главного определяющего принципа – решать серьезную проблему в процессе обсуждения. И ВОЕ как главный ядерный, «катализирующий» элемент дебатов также лишаются основной функции – вводить в аудиторию новую информацию, необходимую для продвижения коммуникативного события.

Также комплексный метод позволил выявить некоторые речежанровые риски, не способствующие удачному ходу дебатов. Это такие случаи, когда в запросе информации звучит несколько тематических вопросов. Оппонент не может уловить все тематические запросы и отвечает лишь на часть из них, или отвечает совершенно на другую тему, уходя от ответов. Это приводит к коммуникативной неудаче «атакующего», т.к. он не получает информацию по тем векторам, которые задал для собеседника.

Главную же роль в дебатах выполняет аудитория. Если проблемная тема интересна для нее, то вопросы из аудитории носят информативный характер. Публика стремится прояснить для себя суть проблемы. Если же аудитория «спит», то участники вынуждены прибегать к некорректным коммуникативным методам по отношению друг к другу, чтобы возбудить ее интерес. В целом, речежанровый подход в анализе ядерных компонентов крупного коммуникативного события позволяет рассмотреть эти компоненты подробно и выявить их полемическую (или не полемическую) направленность.

Речежанровый анализ ядерных элементов проясняет специфику самого гипержанра. Из нашего исследования видно, что ролевая игра дебатов оказывается недостаточно актуальной при отсутствии подлинной проблемы, которую надо решать. Следовательно, сама организация игры требует доработки. Можно предположить, что не оправдан ориентир на жюри и оценку каждого из игроков. Оптимальным для учебной игры

представляется ориентир на аудиторию, которой необходимо принять сторону одного из выступающих и сформулировать аргументы выбранной позиции.

Литература

1. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: зоны толерантного и нетолерантного общения // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003
2. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – М., 2005
3. Данилов С.Ю. Проработка и дебаты: коммуникативные практики идеологического взаимодействия // Культурные практики толерантности в коммуникации. – Екатеринбург, 2004
4. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. – Саратов, 1998
5. Долинин К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. – Саратов, 1999
6. Матвеева Т.В. Учебный словарь :русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М., 2003
7. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк. – Свердловск, 1990
8. Русская грамматика. Синтаксис. Т.2. – М., 1980
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 1990
10. Седов К.Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000
11. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику / Под ред. О.Б.Сиротининой. – Саратов, 1985

Ю. Назарова
Научный руководитель:
д. филол. н., профессор
Л.П. Быков

ЛИРИЧЕСКИЙ ЛАКОНИЗМ АЛЕКСЕЯ РЕШЕТОВА

Как известно, лаконизм - одно из коммуникативных качеств речи, выделяющее соотношение речи и мышления, речи и общения, а именно краткость и четкость выражения идеи, замысла. Лаконизм – это выражение мысли, заключающее в себе то необходимое для уяснения предмета, что особенно важно для адресата.<...>В разных функциональных стилях лаконизм проявляется в разной мере. Художественная речь, как правило, к лаконизму не стремится, если не иметь в виду отдельные краткие жанры, такие, как эпиграмма или лирическая миниатюра<...> [6:125]

По отношению к поэтическому тексту лаконизм рассматривается в первую очередь как лаконизм формы. В настоящей статье мы обращаемся к творчеству Алексея Решетова (1937 – 2002) - одного из наиболее самобытных современных поэтов – и рассматриваем лаконизм не столько как внешнюю, формальную особенность его лирики, но как закон внутренней организации его поэтических текстов.

Лаконизм и «прозаическое» в лирике А.Решетова

Поэзия Решетова в целом близка поэтической линии, идущей еще от Бунина и Ахматовой, где одной из важных структурных черт лирического переживания была его опосредованность подробностями, деталями окружающего мира. Сознание Решетова-художника также обращается к особой, «прозаической», сфере действительности.